

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 322

Белашов Иван Иванович

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТРАДИЦИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к традиционным религиям в условиях новых трендов общественного развития. Одним из основных вопросов, касающихся влияния религии на жизнь современного общества, является определение реальной роли религиозного в публичном пространстве. Составляющие этого вопроса: соотношение частного и публичного элементов в функции религии в современном обществе, а также степень восприятия религиозной традиции как составной части этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: религия, общество, религиозные практики, религиозное сознание, традиции, идентичность, историческая память, социальная аномия, стабильность, глобализация.

Belashov Ivan Inanovich

TRADITIONAL RELIGIONS UNDER GLOBALIZATION: SOCIAL FUNCTIONS OF PRESERVING IDENTITY AND TRADITIONS

The article provides a view on various approaches to traditional religions given the new trends in the social development. One of the major issues related to the influence of religion on the modern society is determining the true role of the religious in the public space. The parts within this issue that are worth mentioning include the ratio between the private and the public in the modern society as well as the acceptance of religious traditions as part of the cultural identity.

Key words: religion, society, religious practices, religious awareness, traditions, identity, historical memory, social anomia, stability, globalization.

Для общего понимания проблемы роли религии в жизни современного общества целесообразно ответить сначала на вопрос, в какой ипостаси сегодня религия воспринимается большинством граждан: доктринальной и целеполагающей, либо в этнокультурной, либо в синтезе этих элементов. По мнению польской исследовательницы И. Боровик, «общие черты религиозности в странах Западной и Восточной Европы: представление себя как «католик», «англиканин», «православный» не обязательно фиксирует связь с определённым религиозным институтом или организацией. И там и здесь отмечается низкий уровень религиозной практики...» [4, р. 137]. Эта мысль подкрепляется данными мониторинговых социологических исследований, проводившихся на территории Российской Федерации специалистами «Левада-центра» [11].

Несмотря на некоторые колебания, количество крещёных по православному обряду граждан России, соблюдающих одни из наиболее важных элементов религиозной практики, достаточно невелико. Подавляющее большинство сознательно отказывается от них, однако не переставая идентифицировать себя православными христианами.

В обстановке переходного периода начала 1990-х гг. религия была одной из наиболее естественных идеологических и духовных альтернатив для граждан постсоветских государств. Как отмечали священнослужители в серии интервью, проведённых нами в рамках одного из исследований, в это время (первая половина 1990-х гг.) в храмах ощутимо увеличилось число людей, которые не просто пришли ради традиции, но называли себя верующими и стремились выполнять необходимые религиозные обряды. К началу нового тысячелетия большая часть этих людей храмы покинула, вер-

нувшись к привычному для себя секулярному образу жизни. Поиски мировоззрения «от противного» уже практически прекратились, люди стали глубже задумываться над тем, что есть вера в Бога и насколько они могут отнести себя к верующим. В то же время многие не хотят отрываться от традиции предков, несмотря на то что предыдущие несколько поколений по большей части являлись носителями секулярного мировоззрения. Передача традиции во многих семьях была фактически прервана, информация о религии поступала весьма поверхностная, иногда для того, чтобы почувствовать себя, например, православным христианином, человек считал достаточным носить нательный крест, причём во многих случаях даже не задумываясь над тем, был ли этот символ освящён как того требуют церковные правила.

Такой тренд в целом мог бы привести к постепенному снижению интереса к религии в обществе и дальнейшей приватизации религии по аналогии с европейским паттерном. Однако религия не была вытеснена из публичного пространства. Ситуация стала развиваться в направлении частичной десекуляризации и всё большего присутствия религии в публичном пространстве. До некоторой степени такая динамика обуславливалась сложностями поиска идеологической опоры для постсоветского общества, так как оказалось, что традиционные религии демонстрируют стабильный уровень доверия со стороны населения, а также реально способны исполнять ряд значимых социальных функций: в первую очередь сохранения и передачи исторической традиции, миротворчества, культурного взаимодействия.

Более того, религия в общих чертах обеспечивает стабилизацию индивидуальной и групповой идентичности, поддерживая сохранение старого содержания (в форме учения, ритуалов, моральных императивов, ролевых ожиданий, символов etc) и предлагая индивидам основу для реконструирования их идентичности в рамках меняющегося бытия. Иными словами, разрушение или коренная трансформация советской идентичности могли компенсироваться только за счёт наличия и продвижения не менее глубоких идентичностных паттернов, традиций, имеющих долгую историческую память и способную дать индивидам возможность сформулировать для себя ответы на основополагающие вопросы: «кто я?» и «кто мы?».

Таким образом, религия, в первую очередь традиционная для данной территории, даже не будучи смысло-жизненной основой для людей, обладает имманентным свойством поддерживать личную и групповую идентичность, продолжать историческую традицию и соединять прежние смыслы личностного и группового бытия с новыми, появляющимися в процессе социально-экономических трансформаций.

Австралийский социолог Г. Мол в книге «Идентичность и сакральное» описывал основную функцию религии как стабилизацию индивидуальной и групповой идентичности. Согласно Молу, религиозные традиции и институты сопротивляются постоянным изменениям в обсуждении социальной значимости, следовательно, позволяют индивидам и группам получить более надёжные якоря для собственной устойчивости [8, р. 3]. Религия помогает обеспечивать предсказуемость и непрерывность, в которых нуждается индивид для сохранения чувства психологической стабильности. Среди механизмов, посредством которых религия сакрализует идентичность, Г. Мол называет «объектификацию», которая является тенденцией к соединению разнообразных элементов богатства бытия в трансцендентную систему отношений, в которой они выглядят более упорядоченными, более содержательными, вечными [8, р. 11]. И это на сегодня для современного российского общества одна из важнейших функций, реализация которой позволит как укрепить российскую гражданскую идентичность, так и обеспечить непрерывную трансляцию, передачу традиций, скрепляющих историческую память нации.

В то время как религия может обращаться более к частной, приватной стороне личности, чем к иным аспектам идентичности, это не подразумевает, что она обращается к групповой идентичности в меньшей степени. Каждая из основных мировых религий сакрализует групповую идентичность до равной или даже более высокой степени, чем идентичность индивидуальную. Также многие отмечают, что усиление модернизации часто ведёт к распространению ощущения социальной аномии (по-

лучающегося из-за разреженной или лоскутной идентичности), что вызывает широкое возрождение религиозного сознания как реакции на модернизацию, с её упором на социальный и технологический прогресс, науку и опыт, плюралистическую секуляризацию государственной структуры и капитализм.

Чётко очерченная основательная идентичность стимулирует психологическую устойчивость и уверенность в себе. Утрата идентичности в результате даёт состояние, когда индивид ощущает «детерриториализацию». Детерриториализация воспринимается как один из основных ударов глобализации на культурную систему [1, p. 43].

В процессе модернизации, детерриториализация включала внешнюю силу (чаще всего, государство), исключая или включая людей в рамках географических границ и контролируя трансграничный доступ и обмен. Подобная детерриториализация обеспечивает граждан стабильностью и ощущением центрированности. Движение от модерна к современной глобализации, как представляется, затрудняет процесс детерриториализации [3, p. 181].

Американский социолог Хосе Казанова поясняет, что «...под детерриториализацией подразумевается смещение культурного феномена с его «естественной» территории. Культурные системы на всём протяжении истории были территориально закреплены... Глобализация угрожает разорвать значимые связи между священными временами, священным пространством и святыми людьми, общими для всех мировых религий, и с ними представляющиеся сущностными связки между историей, людьми и территориями, которые определяли все цивилизации» [5, p. 415].

Но глобализация также открывает людям новые пути для ретерриториализации самих себя. Некоторые ищут ретерриториализацию через рабочие коллективы, группы поддержки (сообщества одиноких матерей, общества анонимных алкоголиков и т. д.) и любые типы виртуальных групп, созданных для стимулирования ощущения общности или для обмена информацией и идеями относительно некоторых важных проблем. В этом сегменте обычные секулярные проблемы или интересы служат средством для формирования идентичности. Другие люди во всевозрастающем числе ищут ретерриториализацию через религию. Причина выбора религии в таких случаях заключается в том пути для ретерриториализации, который она предлагает, а именно то, что она вплоть до последнего времени была весьма основательной платформой, базировавшейся на национальной общности. Из-за того что религия и национальная принадлежность по большей части «укоренены» в географии, утрата национального этоса многих разворачивает лицом к религии как к первичному источнику идентичности.

Модернизация может рассматриваться в том числе как совокупность процессов, усиливающих индивидуализм, доминанту либеральных ценностей, целеполагания, исходящего из норм эффективности и экономического роста. По причине того, что модернизация ослабляет традиции, она ослабляет также социальные основания, которые поддерживают религию как традиционный институт. Однако религия продолжает играть роль в поддержке национальной, региональной или классовой идентичности в индустриальном капиталистическом обществе, например, в Северной Ирландии, католической части Франции, польском движении «Солидарность», православном возрождении в России [2, p. 121].

Как отмечает британский социолог Г. Дэви, «номинальное причисление себя к исторической церкви остаётся относительно высоким». Люди ищут непрерывность во времени и обстоятельствах. Мировые религии отвечают индивидуальной потребности обладать чувством привязанности – социальной, иногда географической, космологической, временной и метафизической. Никакие иные источники культурной значимости не обладают исторически обусловленными ответами на человеческие потребности для формирования безопасной идентичности» [5, p. 12].

В то же время, учитывая столь важную функцию традиционных религий, следует принять во внимание следующее обстоятельство. Исторические церкви, несмотря на их продолжающееся присутствие в религиозном и социальном пространстве, вполне очевидно теряют свою способность дисциплинировать религиозное мышление крупных сегментов населения, особенно среди молодёжи. И до той степени как будущие поколения демонстрируют относительно невысокую приверженность христианским идеям и ритуалам, они также мало будут соответствовать ожиданиям церкви по зна-

чимости последней в их индивидуальной и коллективной жизни. Ситуация показывает, что религия утрачивает способность подкреплять свои притязания на обладание абсолютной истиной. При этом фиксируются успешные усилия церкви предложить новые способы передачи истины, равно как и новые формы коллективной и национальной идентичности. В более раннее время церковь обеспечивала истины, оформленные как комплекс символов и норм, которые были привязаны к коллективному самосознанию и идентичности. Сегодня как нормы, так и смыслы, обеспечиваемые церковью, трансформировались, но не исчезли вовсе.

Религии, в первую очередь традиционные, на сегодня воспринимаются именно как хранители традиций и национальной идентичности, а не как трансляторы абсолютной истины. Религиозные традиции зачастую обеспечивают готовые ответы, когда плюрализм и иные формы современного бытия угрожают установившемуся порядку и, следовательно, идентичностям индивидов и групп. Религия помогает обеспечивать предсказуемость и непрерывность, в которых нуждается индивид, для сохранения чувства психологической стабильности.

Даже в современном мире религия редко выступает как сугубо частное явление. Индивидуальные верования формируются абстрактно, но в связи с другими и в рамках специфического контекста. Внутренняя система значений не может существовать без обращения к предыдущей традиции.

Как показывает практика, на текущем этапе продолжается постепенный отход от восприятия религии как формы обязательства (обязанности, долга) к усиливающемуся акценту на потребление. Иными словами, то, что до недавнего прошлого было просто привито или унаследовано, теперь стало делом личного выбора. Я иду в церковь (или иную религиозную организацию) потому, что я этого хочу, может, ненадолго, может, навсегда, но для удовлетворения своих личных потребностей, а не в русле социально одобряемого поведения, и я буду продолжать туда ходить до тех пор, пока она (церковь) будет удовлетворять мои потребности, но у меня нет никаких обязательств ни начинать, ни продолжать эту практику, если я сам этого не желаю.

Моя причастность или моя приверженность в то же время может быть довольно сильной, значительной, минимальной или просто целесообразной или рациональной. Такие установки характерны для современного общества; индивидуализация и приватизация религии на уровне, находящемся вне публичной сферы, довольно значительны. Поддерживая церковь или её мнение по значимым социальным вопросам, индивиды не стремятся к тому, чтобы соответствовать доктринальным идеалам личного и коллективного бытия.

Таким образом, следует, на наш взгляд, в чисто практическом смысле, дифференцировать функции церкви как религиозного института, в обязанности которого входит индоктринация и распространение вероучения и религиозных практик, и функции хранителя и транслятора традиций. Это обусловлено в первую очередь тем, что запрос общества именно на вторую функцию неизмеримо выше, чем на первую, исходя из того, что, как отмечает российский исследователь Александр Верховский, «очевидно, что Россия всё-таки остаётся очень секулярной страной...». По его мнению, «сама религиозная ситуация с 90-х годов изменилась не столь сильно, как кажется по относительно обилию религиозных сюжетов в СМИ. Религиозность граждан России, как показано в исследованиях... растёт, но растёт медленно и по-прежнему остаётся на довольно низком уровне. Она лишь частично связана с большими религиозными традициями, представляет собой, скорее, некий религиозный бульон, включающий обрывки разных вер, парарелигиозных и паранаучных представлений» [10, с. 157].

В то же время большинство граждан ожидает от традиционных религий как сохранения и укрепления традиций, национальной идентичности и обеспечения межкультурной и межконфессиональной коммуникации, так и распространения позитивных морально-нравственных паттернов, иначе говоря, деятельности по укреплению основ общества. Г. Дэви отмечает, что «...люди, которые сами не принимают участия в церковной жизни, хотят, чтобы представители церкви соблюдали и поддерживали привычный социальный и моральный порядок, обеспечивали представление такого образа жизни, который представляется верным, моральным и правильным, несмотря на то что он давно не является

нормой для всего населения» [7, р. 26]. Звучит несколько парадоксально, но в обществе, которое само не готово следовать строгим морально-нравственным принципам, есть очевидный запрос на присутствие в публичном пространстве института, который бы эти принципы исповедовал и распространял. Большинству необходим если не морально-нравственный идеал, то, по крайней мере, уверенность в том, что есть люди, которые живут в соответствии с более высоким моральным императивом и, что ещё более важно, способны своим авторитетом и образом жизни приостановить процесс определённой моральной деградации общества. Ещё раз подчеркнём: это же большинство вовсе не собирается жить по морально-нравственным установкам христианства или ислама, это основательно секуляризованные люди, возможно, декларирующие близкую к церковной систему ценностей (т. н. общечеловеческие ценности), но реально действующие в рамках иной ценностной системы. Не исключено, что для многих из них наличие в публичном пространстве традиционных религий и их мировоззрения является одним из якорей, не позволяющих в современном глобализирующемся мире до конца оторваться от своих исторических, культурных и, что не менее важно, морально-нравственных корней.

Итальянский исследователь Э. Паче отмечает: «Во многих европейских странах религия сегодня выполняет функции защитника коллективной идентичности и памяти, даже если эти самые общества становятся всё более мультиконфессиональными» [9, р. 42]. С нашей точки зрения, данное мнение столь же справедливо и для России как одной из европейских стран. Религиозные лидеры, как подчёркивает далее Паче, «принимают идею о том, что потенциал и сила религии должны всё больше работать в коммуникативном качестве. Они могут и далее устанавливать нравственные и доктринальные нормы, но они могут и восстановить романтическое чувство бытия сообществом, коллективной идентичностью, происходящей из христианской системы ценностей, проецирующей единство в обществе, характеризующемся социальной, религиозной и идеологической дифференциацией» [9, р. 42–43].

Возможно, восстановление этого чувства бытия единым сообществом, воссоздание коллективной идентичности в новых политических реалиях, сохранение, трансляция исторической памяти и культурной традиции, в которой важнейшее место занимает культура межрелигиозного мира, и является на сегодня важнейшей функцией традиционных религий в современном российском обществе.

Принимая это во внимание, следует отметить, что традиционные религии как естественные хранители духовно-нравственных основ народов в сотрудничестве с государством и гражданским обществом выступают в качестве одной из основных конструктивных сил, укрепляющих мир и согласие в регионе. Миссия традиционных религий на Кавказе состоит в формировании прочных социальных, духовных и нравственных связей между представителями народов, населяющих регион, стимулировании интереса к межкультурной и межрелигиозной коммуникации в регионе, поощрении взаимопроникновения традиций различных народов в повседневной жизни, воспитании и развитии у граждан основ культуры мира, укреплении духовно-нравственных устоев общества, осознании себя единой нацией с общей исторической судьбой и перспективой.

Также миссия традиционных религий реализуется через социальную, просветительскую и миротворческую деятельность. Традиционные религии являются главными партнёрами государства и гражданского общества в реализации значимых социальных проектов, касающихся как поддержки обездоленных групп населения, так и воспитания подрастающего поколения на основе ценностей патриотизма, добродетели, социальной ответственности, равнодушия к судьбам сограждан и своей страны. В условиях распространения (в первую очередь через Интернет) большого объёма недостоверной информации о духовно-нравственных и доктринальных основах традиционных религий, социальной и гражданской позиции духовенства просветительское служение традиционных религий является одним из главных условий формирования у граждан неискажённых представлений как о собственной культурной и религиозной традиции, так и о культуре и религии своих сограждан, относящихся себя к иным традициям. Миротворческое служение традиционных религий, как показывает практика, является безусловно необходимым компонентом для сохранения и поддержания межэтнического и межконфессионального мира и согласия в регионе.

В России, как и во многих европейских странах, к функциям традиционных религий прибавилась ещё одна – хранителя коллективной идентичности и памяти всего социума, несмотря на то что сами общества являются поликонфессиональными. Традиционные религии являются одним из самых значимых символических ресурсов в процессе конструирования и поддержания национальной идентичности. На текущем этапе традиционные религии становятся, по сути, важнейшим средством коммуникации, передачи и сохранения коллективной национальной идентичности, что, несомненно, повышает их значимость в процессе укрепления и дальнейшего развития российского гражданского общества.

Литература

1. Basch L., Schiller G., Blanc C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation States. N.Y.: Gordon and Breach, 1994.
2. Beckford J. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Berger P., Berger B., and Kellner H. The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. N.Y.: Vintage, 1974.
4. Borowik I. Orthodoxy Confronting the Collapse of Communism in Post-Soviet Countries // Social Compass. 2006. Vol. 53.
5. Casanova J. Religion, the New Millennium, and Globalization // Sociology of Religion. N.Y., 2001. Winter. P. 415–526.
6. Davie G. The Sociology of Religion. L.: Sage Publications, 2007.
7. Davie G. Vicarious religion: A Methodological Challenge // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N., ed. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
8. Mol H. Identity and the Sacred: A Sketch for a New Social-Scientific Theory of Religion. Oxford: Basil Blackwell, 1976.
9. Pace E. Religion as Communication: The Changing Shape of Catholicism in Europe // Everyday religion: Observing Modern Religious Lives. Ammerman N., ed. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
10. Верховский А. М. Конституционно-правовые основы светскости в России и споры вокруг их интерпретации // Религии и светское государство. Принцип laïcité и в мире и Евразии / под ред. А. Агаджяня, К. Русселе. М., 2008.
11. Официальный сайт Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/archive/religiya/khodite-li-vy-k-prichastiyu-esli-da-kak-chasto-v-ot-oproshennykh-kotorye-kreshcheny>